

Содержание

1. Я	5
Дверь	10
Пеленка	13
Распашонка	15
Лунный рисовый пирожок	18
Туман	20
Белый город	23
Некоторые предметы в темноте	26
Там, где свет	27
Грудное молоко	30
Она	31
Свеча	33
2. ОНА	35
Иней	37
Изморозь	39
Крылышки	41
Кулаки	42
Снег	43
Снежные хлопья	44
Вечные снега	46
Морская пена	48
Мокрый снег	50
Белый пес	51
Метель	54
Прах	55
Соль	56
Луна	58
Кружевная занавеска	60
Пар изо рта	61
Белые птицы	62
Носовой платок	65
Млечный Путь	66

Белая улыбка	67
Цветок магнолии	68
Белые таблетки	70
Сахарные кубики	71
Огни	73
Тысячи серебряных точек	75
Сияние	77
Белый камень	78
Белые кости	79
Песок	80
Седина	81
Облака	83
Лампочка накаливания	84
Белые ночи	86
Остров света	87
Просвечивающая обратная сторона тонкой белой бумаги	88
Рассеиваясь	90
Тишине	91
Рубеж	92
Заросли тростника	94
Белая бабочка	96
Душа	98
Рисовая крупа и рисовая каша	100
3. ВСЕ БЕЛОЕ	101
Твои глаза	104
Похоронный саван	106
Старшая сестра	108
Как несколько слов на чистом листе бумаги	110
Траурное платье	111
Дым	112
Тишина	113
Нижние зубы	114
Прощание	115
Все белое	116
ОТ АВТОРА	117

1
Я

Решение написать эту книгу пришло ко мне весной. Для начала я составила список всего белого:

Пеленка новорожденного

Распашонка

Соль

Снег

Лед

Луна

Рис

Морская пена

Цветок магнолии

Белая птица

Белая улыбка

Лист бумаги

Хан Ган

Белый пес

Седина

Погребальный саван

Каждое новое слово в списке вызывало трепет в моей душе. Я чувствовала, что должна непременно закончить эту книгу, что ее создание изменит мой мир. Рану нужно обработать белой мазью и забинтовать.

Но через несколько дней, перечитав список, я задумалась: какой в этом смысл, зачем копаться в этих словах?

Как отпущенная тетива создает пронзительно печальный звенящий звук, так и эти слова, царапнув мою душу, рожают новый текст. Смогу ли я спрятаться за ними, прикрывшись белой марлей?

Я никак не могла начать писать, потому что не знала, как ответить на эти вопросы. В августе я переехала в столицу незнакомой мне прежде страны, сняла жилье. Прошло еще пару месяцев, ночи стали холоднее, и как-то, запив стаканом теплой воды таблетку от мигрени — моего мучительного неотвязного спутника, я вдруг кое-что поняла (довольно спокойно). Мне не спрятаться.

Белая книга

Иногда я особенно остро ощущаю время. Сильнее всего — когда болею. Я страдаю мигренью с тринадцати лет, она всегда приходит неожиданно и сопровождается спазмами желудка. В такие моменты жизнь останавливается, и, испытывая нестерпимую боль, я чувствую, как время стекает каплями-бусинами под надрезом от наточенных лезвий. Проведешь кончиком пальца, и тут же брызнет кровь. Делаю вдох — и понимаю, что еще один момент жизни пройден. Даже после того как мигрень отступает, это чувство остается, затаившись в ожидании новой встречи.

Стоя на крутом обрыве времени — зыбком утесе, — мы продолжаем движение вперед. Отчаянно занося ногу над пропастью, мы оставляем позади себя уверенность прожитой жизни и без оглядки шагаем в пропасть. Не потому, что смелые, а потому что другого пути нет. Даже сейчас я ощущаю этот риск. Мы безрассудно идем в то время, когда еще не жили, в книгу, которая еще не была написана.

Дверь

Давно это было.

Перед заключением договора я заехала посмотреть квартиру.

Входная железная дверь, которая когда-то была белой, выцвела. Она была грязная, краска местами облупилась, и на этих участках образовалась ржавчина. Я могла бы запомнить ее как просто очень старую и грязную дверь, но не это главное. Дело было в том, как был написан номер квартиры — «301».

Белая книга

Кто-то — видимо, из прежних жильцов — нацарапал эти цифры прямо на двери острым предметом, вроде шила. Я внимательно изучила эти царапины. Огромная угловатая тройка в три пяди величиной. Потом поменьше, но несколько раз обведенный и перекрывающий тройку круглый ноль — он бросается в глаза первым. И наконец, единица — самая длинная и глубокая, выцарапанная с особым остервенением. По ранам этих прямых и изогнутых линий растеклась застывшая коричнево-красная ржавчина, как запекшаяся кровь. «Мне ничего не жаль. Ни места, где я живу, ни двери, сквозь которую я прохожу каждый день, даже своей чертовой жизни». Оскалив зубы, цифры смотрели на меня в упор.

Это была дверь квартиры, которую я собиралась снять, в которую я должна была въехать той зимой.

На следующий день после переезда, распаковав вещи, я купила банку белой краски и большую кисть. Стены кухни и комнаты, не заклеенные обоями, были испещрены большими и маленькими пятнами. Особенно грязно было вокруг выключателей. Я надела светло-серые треники и старый белый свитер, чтобы брызги

Хан Ган

от краски были незаметными. У меня не было цели сделать все идеально. «Если уж оставлять пятна, то лучше белые, чем грязные», — с этой мыслью я замазывала самые замызганные участки. Я даже покрасила большой потек на потолке — должно быть, результат дождевых протечек. Внутреннюю часть светло-коричневой раковины я протерла влажной тряпкой и тоже сделала белой — побелила.

Наконец, очередь дошла до входной двери. Каждое касание кисти делало измученную дверь чище. Выцарапанные шилом цифры исчезали. Пропала и похожая на запекающуюся кровь ржавчина. Устав, я зашла в квартиру погреться, а когда вернулась через час, обнаружила на двери разводы. Я использовала кисть, а не валик, поэтому на поверхности остались следы ворсинок. Тогда я нанесла еще один слой, потолще, и снова отправилась греться. Через час, обувшись, я вернулась проверить результат и увидела, что пошел легкий снег. На улице совсем стемнело, фонари еще не зажглись. Я так и осталась стоять там, машинально сжимая банку с краской и кисть в руках и отрешенно наблюдая за движением снежинок, которые медленно опускались на землю, как сотни перышек.

Пеленка

Новорожденный плотно запеленат в белоснежную простынку. Медсестра в роддоме потуже затянула ткань, чтобы малыш, привыкший к теплой материнской утробе, не испугался внезапного безграничного пространства. Человек, который только что научился дышать легкими. Человек, который не понимает, кто он, где он и что только что началось. Беспомощное создание, гораздо слабее птенца или щенка, самый младший из всех зверей.

Хан Ган

Бледная от большой кровопотери женщина смотрит на плачущего ребенка. Она неловко принимает запеленатый кулек. Человек, который пока не понимает, как остановить этот плач. Человек, только что испытавший невероятную боль.

Вдруг младенец перестает плакать. Вероятно, он почувствовал родной запах. А может, потому что эти двое все еще связаны. Черные глаза ребенка, которые пока не различают предметов, обращены к лицу женщины — откуда слышится голос. Эти двое еще не поняли, что только что началось, но между ними существует крепкая связь. В тишине, где пахнет кровью. Между их телами — лишь белая пеленка.

Распашонка

Мне рассказывали, что мамин первый ребенок умер спустя два часа после рождения.

Это была девочка с белым, как лунный рисовый пирожок, лицом. Она родилась недоношенной, всего семи месяцев, и была очень маленькой, но у нее были ясные глазки, тоненький носик и ротик — чудесная девочка. Мама говорила, что никогда не забудет, как дочка смотрела на нее своими черными глазками.

Родители тогда жили в доме на отшибе в деревне, куда папу распределили учителем в начальную школу. До родов было еще далеко, поэ-

Хан Ган

тому мама оказалась совершенно не готова, когда однажды утром у нее неожиданно отошли воды. Поблизости никого не было. Единственный телефон в округе находился в магазине напротив остановки, в двадцати минутах езды. До возвращения папы с работы оставалось еще шесть часов.

Была ранняя зима, первые заморозки. Мама, которой тогда было двадцать два года, кое-как дотащила до кухни, вскипятила воду и продезинфицировала ножницы — она где-то слышала, что так надо. Порывшись в коробке с шитьем, она нашла отрез белой ткани, которой как раз хватило на распашонку. Мама шила, преодолевая схватки и плача от страха. Закончив с распашонкой, она расстелила простыню, чтобы использовать ее как пеленку, и стала ждать, претерпевая все усиливающуюся боль.

Наконец она родила. Сама перерезала пуповину. Одеда крошечное окровавленное тельце в только что сшитую распашонку. «Умоляю, не умирай», — снова и снова шептала она, глядя тихонько пищащую малышку, которая была не больше ладони в длину. Ее глазки поначалу были плотно закрыты, но спустя примерно час она

Белая книга

вдруг разомкнула веки. Встретившись с ней взглядом, мама снова прошептала: «Умоляю, не умирай». Через час девочка издала последний вздох. Мама прижала ее к груди и легла, ощущая, как остывает ее тело. Слез больше не было.

Лунный рисовый пирожок

Прошлой весной меня спросили: «Что такого произошло в вашем детстве, из-за чего вы стали так печальны?» Это было во время интервью на радио.

В этот момент я вдруг вспомнила про смерть маленькой сестры. Я выросла на этой истории. Самая незащищенная из всех детенышей, прекрасная и белая, как лунный рисовый пирожок, девочка. Из ее смерти родилась я.

Мне всегда было интересно, как это — «белая, как лунный рисовый пирожок», и в шесть лет мне удалось удовлетворить свое любопытство. Мы